

18+

Алексей Галкин

Стой под дождём

Рассказы. Повесть. Пьеса

Алексей Галкин

**Стой под дождём.
Рассказы. Повесть. Пьеса**

«Издательские решения»

Галкин А.

Стой под дождём. Рассказы. Повесть. Пьеса / А. Галкин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907228-3

Алексей Галкин, лауреат премии Всероссийского музыкального общества —
певец, музыкант, композитор и поэт. В этот сборник вошли самые интересные
прозаические произведения данного автора.

ISBN 978-5-44-907228-3

© Галкин А.
© Издательские решения

Содержание

Рассказы	6
Квадрат малевича	6
Курение убивает...	15
Лампочка Ильича	17
Дневник ефрейтора Стрижа	25
Ответ на задачки для второго класса	32
Ноги, которые мы выбираем	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Стой под дождём Рассказы. Повесть. Пьеса

Алексей Галкин

© Алексей Галкин, 2018

ISBN 978-5-4490-7228-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы

Квадрат малевича

1.

Было это в далёком 1989 году, когда гостиница «Ленинград» в Сочи именовалась ещё гостиницей «Ленинград». Может и сегодня гостиница «Ленинград» носит до перестроечное название, а может, и нет – мне неизвестно, но тогда, в 1989 году, гостиница называлась «Ленинград», и именно в неё, в конце августа вселился Михаил Маркович Малевич, коренной москвич, родившийся пятого мая 1949 года и прописанный на проспекте Калинина в доме №21.

«Почему так подробно я рассказываю о том, куда вселился Михаил Маркович?» – спросишь ты, читатель. И, возможно, вопрос этот правильный, и я на него отвечу.

Дело в том, что в гостиницу «Ленинград» в 1989 году могли попасть, в качестве постояльцев: либо «члены», либо «председатели», либо Михаил Маркович Малевич. И дело здесь не в национальной принадлежности, а в профессии. Хотя, без национальной принадлежности, а точнее, без характерных черт этой принадлежности, не был бы Михаил Маркович заместителем начальника фестивального отдела всесильной организации, каковой тогда являлся «Росконцерт».

Малевич был мал ростом, седой на всю голову, скромно одетый, короче, ничем Михаил Маркович от прочих советских людей не отличался. Но стоило ему только открыть рот, как: собеседники ли, сосед ли по столику в ресторане, отдыхающие ли на пляже, пассажиры ли самолётов, поездов и пароходов, медленно закрывали свои говорилки и будто наркотик, всасывали в себя слова и обаяние этого человека. Михаил Маркович не был аферистом или мошенником, хотя при желании мог бы стать и тем, и другим. Просто был он настолько убедительным и доказательным, что каждый слушающий его попадал под невиданный словесный гипноз и верил безоговорочно каждому слогу, вылетающего из его уст.

Михаил Маркович всегда приезжая в Сочи, останавливался в гостинице «Ленинград». Он мог бы проживать в любой гостинице, но останавливался он именно в «Ленинграде» из-за природной лени, растущей и цветущей в нём весенним васильком. Дело в том, что от гостиницы «Ленинград» шёл великолепный ступенчатый спуск к морю и не просто к морю, а к двум валунам, расположенным в море, в нескольких метрах от берега. Михаил Маркович очень любил именно это место на всём Черноморском побережье. Он каждый год, а то и дважды в год, а то и чаще, именно в этом месте, входил в море и садился на один из этих валунов, и море, словно верблюжье одеяло, нежно накрывало его до подбородка. Надо признать, что Михаил Маркович имел всего лишь один, но очень существенный, по его мнению, недостаток – он не умел плавать. То есть, не то чтобы плохо или только «по-собачьи», а просто никак. Но, как я уже говорил выше, в силу своей доказательности, ему удалось с лёгкостью убедить весь мир, включая маму, детей, жену и всех любящих его женщин, что ему намного приятнее и полезнее думать о работе и близких сидя на валуне, чем бессмысленно размахивать руками, плавая до буя и обратно. Ему предлагался надувной матрац, чтобы он, плавая, не размахивал бессмысленно руками, но он под любым предлогом отказывался и от матраца. На самом же деле, Малевич просто боялся опрокинуться в море с этого плавсредства или хуже того, если бы этот надувной вулкан неожиданно сдулся, извергая жуткие звуки и пузыри и все бы увидели его безобразно-беспомощным, отвратительно-жалким и орущим: «Помогите! Тону!!!», а этого омерзительного удовольствия Михаил Маркович не хотел предоставлять никому, тем более себе.

Проснувшись в номере «Полу-люкс» где-то около двенадцати, Михаил Маркович сладко потянулся и, решив, что ему уже пора отвезти кухню местного буфета, быстро натянул шорты, воткнул ноги во «вьетнамки», покрутился перед зеркалом и побежал на пятый этаж. На входе в буфет его что-то остановило. «Что-то здесь ни так!» – пронеслось в голове Малевича. Медленно подняв вверх свои голубые глазки, Михаил Маркович убедился в своей правоте. Ещё весной местный буфет назывался простенько и со вкусом – «Буфет», но сегодня вывеска была настолько интересна, насколько непонятна и даже агрессивна, а именно «Вертухай» было набито над входом.

От неожиданности прочитанного, Михаил Маркович громко икнул. «Господи, спаси и сохрани!» – только и пронеслось в его голове. Малевич осторожно приоткрыл дверь и оглядел помещение: столы, раздача, посетители и даже раздачица и кассирша, все аксессуары «Буфета» были на своих весенних местах, будто и не уезжал никуда Михаил Маркович.

– Галочка-милая, – подойдя к кассирше, запел Малевич, – объясните мне, глупому еврею, что сия вывеска означает?

– Да ничего она не означает, – будто и не уезжал никуда Михаил Маркович, – просто теперь это частное предприятие. Поверьте, у нас не хуже, чем там у вас в Москве, мы тоже не пальцем деланные...

– Я верю-верю... но название какое-то странное, вы не находите?

– Да ничего странного, просто Верка, наша, Турилина, хозяйка, значит, обозвала своё предприятие именем себя.

– ???

– Ну, чего вы на меня уставились, господин Малевич? Это – абритура, ясно? Мы здесь всё понимаем: раз своё, значит и название имени себя. Ясно?

Совершенно ошарашенный таким заявлением и напором, Михаил Маркович отошёл в сторонку и стал рассуждать. Логика никогда не подводила его, но было понятно, что сегодня не её, логики, день. «Во-первых, не пальцем деланные, не „абритура“, а „аббревиатура“, а во-вторых, какая к чёрту аббревиатура имени себя? Аббревиатура – „В.Т.“, вот это – аббревиатура! А это что? Чушь собачья, да ещё и кроме собачьего, зоной воняет. Так, ладно, проехали. Надо сначала. И так: „Вер“ – это Вера, это понятно, „Ту“ – также понятно, Турилина. Но что делать с „Хай“? Совсем непонятно».

– Галочка-радость, – вырос Малевич возле кассирши, – я, почти, разгадал вашу абритуру, но вот «хай» меня несколько озадачил. Помогите и пятьдесят процентов от стоимости завтрака ваши!

– Да я и сама не очень поняла, – хохотнула пончик-Галочка, – Верка чего-то объясняла, но я ничего не поняла. Да вон, она сама выходит, у неё и спрашивайте, господин Малевич, да?

Малевич оторвал взгляд от Галочки и увидел, как на раздачу вышла ОНА. Михаил Маркович опять громко икнул, что было весьма странно: Михаил Маркович икал только в исключительных случаях, а сегодня с ним уже дважды это произошло.

– Барышня Вера, – Михаил Маркович подкравшись к раздаче, поднял на рыжеволосое и зеленоглазое, Богом точёное диво свои хитро-обольстительные глазки, – если вас не затруднит и не отнимет у вас много вашего драгоценного времени, объясните мне, будьте любезны, что означает окончание «хай» в изысканном названии вашего великолепнейшего кафе?

Вера Турилина в изумление уставилась на Михаила Марковича, затем перевела взгляд на Галочку и сексуальным пьеховским контральто изрекла:

– Галя! Что это?

– Да это же Малевич!

– То, что это москвич, я поняла по его развязанным речам, но что оно желает?

– Вас, барышня Вера. Шучу, шучу – поспешил поправиться Малевич, увидев округляющиеся глаза Веры Турилиной. – Хотелось бы услышать расшифровку окончания «хай» в загадочном названии вашего vip-кафе.

– Что вы, что вы, господин Малевич, кажется так? – Малевич кивнул, а Вера Турилина кокетливо улыгнувшись, продолжила, – ещё далековато до Vip, нам ещё работать, работать и работать, как говаривал Ленин.

– Ленин взывал к учению, – Малевич сосредоточил взгляд, – разве я не прав?

– А для нашего коллектива работа и учение – это одно целое. Мы говорим работа, подразумеваем – учение, мы говорим учение, подразумеваем – работа. Вы с этим не согласны, господин Малевич или как?

Михаил Маркович, несколько обескураженный, поставил на поднос стакан со сметаной, цинично оглядел салаты, непонятно чем деланные, только не пальцами, внимательно осмотрел персики и виноград, подумав при этом, что с vip он, пожалуй, погорячился, что до vip им, пожалуй, как до Марса, кажется рядом, а ручёнки-то коротки. Из состояния релаксации вывел его пеховский голос, будто прилетевший всё с того же Марса:

– Господин Малевич! А вы бывали когда-нибудь в Западных цивилизациях или только на нашу провинцию у вас, и хватает денежных знаков?

– А? Что? Ах-да, бывал-бывал, приходилось...

– А где? Если, конечно, это не военная тайна.

– В Париже был, в Вене, в... А к чему вы спрашиваете, барышня Вера?

– А к тому, что если вы, господин Малевич, встречались там с кем-то, так сказать, в неофициальной обстановке, – здесь Вера Турилина мечтательно закатила глазки, и Михаил Маркович моментально уловил Верину мечтательность, – то и обращались к вам соответственно. Как?

– Как-как! В Париже и Брюсселе – «сова, Мишель!», а так, мимоходом, в остальной Европе?... – Малевич просиял, и улыбкой своей пронзил сердце Верочки, – милая

барышня, вы хотите сказать, что на вашей вывеске красуется «Вера Турилина Привет», правда, в несколько сжатом и извращенном, я бы сказал, варианте?!

– А вы догадливый, господин Мишель.

– Да и вы прекрасны в своей грациозности и проницательности!

В образовавшейся паузе, Михаил Маркович позволил произвести Вере оценку своей персоны. Вера Турилина поняла своим женским чутьём, что ей предоставляется право оценки стоящего перед ней господина, а не товарища, и воспользовалась моментом сполна. Она не бросалась на «членов» и «председателей», её от них тошнило изначально: от их тупой напыщенности, дутой важности, а в итоге, абсолютной никчёмности и ненужности. Вера Турилина, ещё в разговоре, оценила «американскую» улыбку, порфюм, укладку седой копны и взгляд, отпускаемый на салаты и фрукты. Перед Верой стоял не «член», а «серый кардинал», обладающий реальной властью и реальными деньгами. Может быть, за ним и охотились различные органы нашей державы, но всё поведение его, естественное и нехамское, говорило о том, что «остались ни с чем егеря».

– Барышня Вера, – понизив голос, запустился в лёгкий манёвр Михаил Маркович, – не будет ли с моей стороны чрезмерно самонадеянным пригласить вас на ужин? Вы можете выбирать любую ресторацию...

– А затем???

– А что затем? Мне просто очень приятно с вами общаться. Почитал бы вам стихи, например, Евтушенко: «Кровать была расстелена, а ты была рассеяна. Ты спрашивала шёпотом: „А что потом, а что потом?“»... и так далее, это из раннего... Или Волошина: «Я люблю усталый шелест старых писем, дальних слов... В них есть запах, в них есть прелесть умирающих цветов...»

Малевич читал далее, а Вера, впервые в жизни, слушала стихи, предназначенные персонально для её слуха. Она даже не понимала смысла слов и содержания. Вера Турилина впервые в жизни услышала музыку стихосложения. Вера Турилина упала замертво, ещё не доходя до поля битвы.

Михаил Маркович и Вера Турилина не пошли в ресторан. Они заказали ужин в номер. В этот день Вере Турилиной исполнился двадцать один год.

2.

«А где квадрат-то?» – спросит читатель. Вот он! Пожалуйста.

Проснувшись в номере «Полу-люкс» где-то около двенадцати, Михаил Маркович сладко потянулся. Вновь закрыв глаза, Малевич прокрутил в памяти и ужин, и ночь, и утро, и Веру, проспавшую к открытию «Вертухая». Аргументом к переходу ужина в ночь было обычное непопадание домой, ввиду отсутствия в полночь транспорта в городе, включая такси. И Вера вынуждена была позвонить и объяснить маме, что останется ночевать на работе. А затем, Михаил Маркович рассказал Вере удивительную историю о том, что принципиально не ложится в постель с одетой женщиной, что он, Михаил Маркович не будет её домогаться и что для него, Михаила Марковича, секс не важен, а важно простое общение, и что если Вера Турилина будет против секса, то он, Михаил Маркович не будет настаивать, но всё равно, Вера должна лечь голой – это принципиально. Вера не была против секса, а Михаил Маркович не настаивал. Ночь получилась бурной до рассвета.

Выскочив из-под насквозь мокрой простыни, Малевич с ленцой потащился в душ, а затем, надев выходной костюм и традиционно покрутившись у зеркала, решил, что ему пора наведаться в «Вертухай» и поздравить Веру Александровну со вчерашним днём рождения. Для этого он достал из сумки бутылку «Мадам Клико», утаённую вчера, вышел из номера и спустился на первый этаж. План его был такой: сдать ключ, купить свежих фруктов и цветов, а также торт, большой красивый и вкусный, и поздравить всех работников «Вертухая» с рождением хозяйки. План его был настолько изысканный и щедрый, что ему не суждено было сбыться.

Консьержка, посмотрев на ключ, сообщила ему официальным голосом:

– Восемь тыщ шестнадцатый? Подойдите на ресепшен, там для вас сообщение.

– А что случилось?

– Не могу знать. Подойдёте и узнаете.

С неприятным осадком на сердце Малевич пошёл к лифту. Администратор гостиницы узнала постоянного клиента:

– Добрый день, Михаил Маркович. Как заселились? У нас новенькая вчера работала, а сегодня я на сутки, всё нормально? Жалоб нет?

– Да. Всё нормально, – Малевич не мог вспомнить имя администратора и мучился, – что там ещё за сообщение?

– Позвонила ваша жена и сказала, что сегодня прилетает, что встречать её не надо и что будет она через, – администратор посмотрела на часы, – через час.

– Всё? – Малевича передёрнуло.

Нет! Михаил Маркович очень любил и уважал свою жену, и был ей всегда благодарен за годы, прожитые вместе, но как сейчас это было некстати.

– Нет, – эхом отозвалась администратор, – не всё.

– О, Господи! Что ещё?

– Ещё, звонила какая-то Марина, уточнила ваше проживание и сказала, что будет она здесь через, – взгляд на часы, – через пятьдесят пять минут, что встречать её не надо, но жить ей негде.

- О, Боже! Они что, на одном самолёте летят?!
- Не знаю-не знаю, – с очень лукавым взглядом и голоском молвила ведьма-администратор, – и ещё...
- О, Дева Мария! Спаси и сохрани! Что ещё?
- Вас, Михаил Маркович, в ресторане, ожидает очень премиленькая и премолоденькая девушка. Ой, шалун...
- А, я догадался...
- Нет, это не Вера Александровна. Веру Александровну я знаю...
- Вот всё-то вы знаете, – Малевич хотел уже пойти в ресторан, но остановился, – у вас есть свободные одноместные номера?
- Для вас, Михаил Маркович, хоть целый этаж.
- Этажи-то разные, если можно. Три одноместных, пожалуйста, сделайте, на разных этажах, кроме пятого и восьмого, вы понимаете, и запишите, кого и куда вы расселили... Вылетело из головы как вас зовут...
- Ирина.
- Ах-да. Ирина, простите великодушно. А что, про Веру Александровну знает уже весь «Ленинград»? – Малевич изобразил подобие улыбки.
- Нет, только избранные.
- Что ж, хоть одна более-менее приятная новость. Так что с номерами, это возможно?
- !!!
- Благодарю вас, Ирочка. Век не забуду, – и Малевич перекинул через стойку пакет, с находившейся там, теперь уже ненужной, «Мадам Клико».

Малевич был раздавлен и опустошён. Он шёл в местный ресторан, недоумевая, кто бы мог ему назначить свидание, какая ещё «премолоденькая девушка». «О, Всевышний! – про себя орал Михаил Маркович, – у всех людей, как у людей – „любовный треугольник“, а у тебя, еврейская рожа, всё шиворот-навыворот, аж „квадрат“, но ты не участник – ты цель. Жена и любовница в одном самолёте! Хорошо, что друг друга не знают! Эта мымра в кабаке, неизвестно, кто такая, и каким ветром её занесло. Верочка-лапуленька! Вот засада! Испортить такое утро! Господи Иисусе! Четыре тётки в одном флаконе! Помогите! Не дай мне засохнуть! Хоть тату на „косточке“ лепи „Король четырёх стен“! Помогите, Господь! Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас». Проскулив про себя молитву трижды, как положено, Малевич открыл дверь ресторана. «Мымрой в кабаке» оказалась его дочь от первого брака Юля, только радости это не прибавило Михаилу Марковичу. Юля терпеть не могла его жену и называла её, даже при ней несколько раз, Ягой, вместо Яны.

Вот тебе, читатель, и квадрат! Распишись в получении!

3.

Малевич знал, что они, все четыре барышни-дамы, не должны были пересечься ни при каких обстоятельствах. Но он понятия не имел, каким образом можно было избежать столкновений. И самыми опасными, по его мнению, была встреча в холле гостиницы, а также неожиданный «поцелуй» Яны с Юлией.

С Юлей они и подошли к стойке администратора.

- Юленька, доченька, заполни бланк. Там за столиком тебе никто не помешает.
- Ириша, – Малевич метнулся к администратору, – выручайте! Кто бы из сегодняшних трёх див меня не спросил, я здесь не живу. Где? Вы не знаете! Я прихожу сюда в полдень, в пересменку, за новостями. Всё!
- Не завидую я вам, Михаил Маркович. Кстати, а где вы достали такое шампанское?
- В Париже, Ириша, в Париже. Штука баксов за бутылёк!

И пока у администратора округлялись глаза, Малевич уже направлялся к дочери:

– Радость моя, заселишься и иди на море. Я, к сожалению, не смогу сегодня уделить тебе время, послезавтра приезжает Алла Борисовна, надо всё организовать и подготовить к приезду, а завтра сцену монтировать. Работы невпроворот. Всё! Извини! Я побежал! Отдыхай, не скучай и не о чём плохом ни думай!

– Папа! А деньги?

– Ах-да, конечно, – Малевич достал из портмоне 200 долларов и протянул их Юле. Это были очень неплохие деньги, если учесть, что зарплата у инженера колебалась в районе ста сорока рублей, а доллар в обменнике «весил» четыре рубля 95 копеек. – На первое время хватит, гостиницу я оплатил за пять суток, начнутся концерты, времени будет больше, там разберёмся. Всё, побежал.

Михаил Маркович пулей вылетел из гостиницы, но пробежал он не много, только до угла. Он присел на краешек мраморного парапета, обрамляющего клумбу, и стал ждать. Минут через десять подъехало такси, и Михаил Маркович увидел вываливающуюся из машины Яну. Другого и не ожидал Михаил Маркович. «Наверняка всю очередь растолкала», – беззлобно подумал Малевич. Здесь надо признать, что Яна Сергеевна была дамой несколько шумноватой, и груз значительности, а также ответственность за репутацию семьи, она взвалила целиком на свои нехрупкие плечи.

Михаил Маркович проводил насмешливым взглядом любимую супругу до дверей гостиницы и закурил. Прошло ещё около получаса, прежде чем Малевич увидел Марину, плывущую, словно по волнам, от автобусной остановки. Но это не означало, что она приехала на автобусе. Марина всегда садилась в машину, пропуская всех вперёд, и никогда не доезжала метров двести до заданной точки. Её хобби было – внимание населения к её персоне. Марину не волновал пол и возраст, её даже не волновало, был ли это вообще человек. Когда на Марину рычала собака, она картинно отпрыгивала в сторону, становясь в позу маленькой собачонки на задних лапках, и задавала совершенно глупый вопрос: «Ой-ой-ой! А она у вас не кусается?», – и, получая не менее глупый ответ: «Что вы, что вы, не волнуйтесь», – удалялась, удовлетворённая обращённым на неё вниманием. Марина-пава несла своё тело, внутренне глядя на себя со стороны, когда к ней подошёл Михаил Маркович. Она даже не остановилась, думая и видя боковым зрением, что идёт к ней нечто.

– Мадмуазель, Мэри, – обратился Малевич уже к спине, – ты ко мне приехала или так, погулять?

Марина обернулась на звук и удивлённо вскинула брови:

– А... это ты, любимый... А я подумала, что за дядька идёт прямо на меня, сумасшедший какой-то!

– Пойдём, малыш, я поселю тебя...

– Как, поселю? Мы разве не вместе?!

– Нет, котик, в этот раз вместе не получится. Во-первых, вы, – Михаил Маркович запнулся. Он понял, что чуть не проговорился, но во время нашёлся, – мадмуазель, спутали своим приездом все мои карты: я не ждал вас! Послезавтра приезжает Пугачёва на три дня, затем, Леонтьев, затем Жванецкий и я решил, что лучше мне быть с ними рядом.

– Милый, они каждый год ездят, а то и по два-три раза в сезон, но ты всегда жил здесь, в «Ленинграде»? Что вдруг произошло и почему ты надел выходной костюм? Жарко ведь?!

– Я же сказал, что приехали вы, – он икнул, – мадмуазель, неожиданно, а у меня скоро официальный приём французко-американской делегации, приехавшей специально на концерты Пугачёвой и Леонтьева.

– Так переселись и делов-то, а Шарли и Джоны без тебя великолепно примут всё, что им положено принять!

– Это уже, в принципе, невозможно, так как всё уже на меня «заряжено»: и повара, и обслуга, и охрана даже. И если я сегодня не приеду до полуночи, будет объявлен розыск и т. д.

– А ты позвони от администратора и предупреди, что не приедешь сегодня до полуночи...

– Я не могу позвонить от администратора, я вообще не могу позвонить! – Малевич уже начал раздражаться то ли от своего очевидного фантастически-наглого вранья, то ли от тупой дотошности, не во время появившейся Марины. Михаил Маркович хотел просто отдохнуть от всего и от всех, а ему предстояло сегодня врать, изворачиваться, что-то выдумывать и оправдываться, словом, заниматься своей обычной рутинной работой.

– Почему, котик, ты не можешь позвонить? – Марина надула губки.

– Потому, киска, что там нет телефона, потому что – это секретный особняк КГБ СССР! Всё, моё время вышло! Заселишься теперь сама, я побежал...

– Котик! А деньги?

– Ах-да, конечно, – Малевич достал из портмоне 200 долларов и протянул их Марине, подумав, что это происходило уже с ним сегодня, – на первое время хватит, гостиницу я оплатил за пять суток, начнутся концерты, времени будет больше, там разберёмся. Всё, побежал.

Марина фыркнула, повернулась спиной к любовнику и медленно пошла в «Ленинград» бёдрами танцуя ламбаду. А Михаил Маркович даже и не побежал никуда. Он проводил взглядом любовницу, которая столкнулась на входе с Яной Сергеевной.

У Михаила Марковича струйкой по позвоночнику что-то побежало в плавки. «О, Господи, благодарю тебя за то, что ты не познакомил их», – подумал Малевич, вытер платочком моментально вспотевший лоб и не спеша пошёл за супругой.

– Яночка, родная! Как хорошо, что я тебя догнал! Ты приехала, радость моя? Всё удачно?

– Да, милый. Спасибо, что тебе удалось меня поселить. Это было, видимо, трудно?

– Не волнуйся. Для меня трудностей не существует. Как ты планируешь отдыхать сегодня? – И Малевич опять начал врать о своей жуткой занятости на эти три дня.

– Хорошо, Мишенька, ты только не перенапрягай себя, – выслушав монолог мужа, заботливо пропела Яна Сергеевна, – у тебя же острый гастрит и тебе нельзя волноваться. За меня не беспокойся. Я сейчас на пляжик ВТО, может, кого из наших увижу... кстати, а что здесь делает эта певичка начинающая... как её Марианна,.. Марина,.. Мария... не помню, у которой вы сольную программу не приняли весной... я с ней сейчас столкнулась, да и в самолёте она, кажется, тоже летела?

– Не знаю, о ком ты, – и опять что-то потекло по позвоночнику, – если молодая, может на конкурс? В сентябре конкурс молодых певцов...

– Если она к тебе подойдёт, будь поосторожней с ней. Знаю я эту современную молодёжь... Хотя, ей надо совсем стыд потерять, чтобы к тебе подходить, ты же тогда так ей хвост прижал, в апреле...

– Ладно-ладно, любимая. Я много за свою жизнь, хвостов защебил, чтобы не высывались... А из театралов, кажется, заехали Люба Полищук, Мариночка Неёлова, кажется ещё, Валечка Талызина... Может, кого и встретишь... Отдыхай, лапа, и за меня не волнуйся. Всё! Время! Я побежал.

– Мишенька! А деньги?

– Ах-да, конечно, – Малевич слегка побледнел, достал из портмоне 200 долларов, протянул их Яне Сергеевне и произнёс уже дважды за сегодня сказанную фразу, – на первое время хватит, гостиницу я оплатил за пять суток, начнутся концерты, времени будет больше, там разберёмся. Всё, побежал.

Никуда не побежал Михаил Маркович. Он прокрался в свой номер, стянул с себя костюм и, то ли от вранья, то ли от жары, совершенно мокрую рубаху, быстро натянул шорты, воткнул ноги во «вьетнамки» и помчался на свидание к валунам. В шортах, майке и шлёпанцах он

вошёл в море, сел на валун, блаженно закрыл глаза и мечтательно окунулся в ночные объятия Веры.

4.

Кто-то толкнул Михаила Марковича в бок. Он вздрогнул, открыл глаза и заставил себя улыбнуться.

– Да, папуля, ты даёшь! – На соседнем валуне сидела довольная Юля. – И Яга, и Марина... ты просто половой гигант! Молодец! И всех в одну гостиницу заселил! Чтобы не бегать далеко, чё ли?

– В свои девятнадцать, ты очень неплохо осведомлена об отношениях между полами!

– Есть в кого. Но это не самое интересное, к этим двум пассиям я уже привыкла, но вот сегодня...

– А что сегодня? – Михаил Маркович почему-то напрягся.

– После удачного заселения, я не пошла на море, а поднялась в «Вертухай», знаешь, на пятом, кафешка?

– Ну-ну, и дальше что?

– А далее... – Юля закатила глаза и в ожидании замолчала.

– Всё. Брысь отсель со своими загадками! Ты мне надоела!

– Папуля! Я твой друг, верный и надёжный. А ты мне «брысь!», как тебе не стыдно.

– Ладно-ладно, чего там «Вертухай»?

– А там, совсем девочка, моя ровесница, наверное, но уж очень хорошенькая, говорила кассирше, что хотя некий Михаил Маркович немного для неё староват, но в постели, да и ватше, это я её цитирую, мужик что надо, и что надо бы ей «по-серьёзному» с ним шуры-муры закрыть...

– Мало ли на свете Михаил Марковичей...

– Может и не мало, только я уточнила у этой девушки, а не тот ли это Михаил Маркович, который всех популярных артистов нашего Союза катает, как по стране, так и за её пределами.

– Ты что, рехнулась?!!

– Папуля! Я буду молчать, как рыба, но как говаривал бессмертный Бендер: «За это, Шура, я буду требовать от вас множество мелких услуг!» И потом, мне уже надоели и твоя Яга, и эта двадцатипятилетняя Марина. Хотелось бы поболтать с кем-то на равных, да и питание опять-таки...

– Юля! Знай! Ты сошла с ума! – Но сказав эту фразу, Малевич неожиданно понял две вещи: ему приятно было услышать про «шуры-муры» и что очень хорошо, когда такая рыба-акула находится в стане или стае твоих друзей. – И каков же был ответ на твоё уточнение?

– А я ещё изрекла, что знаю, что остановились вы, Михаил Маркович, здесь, в «Ленинграде», но не знаю в каком номере и что вы, Михаил Маркович мне очень нужны по вопросу...

– Хватит! Хватит издеваться над отцом!

– Ладно. Я отстану от тебя, если ты познакомишь нас. Кстати, как зовут-то твою новую пассию?

– Вера Александровна. – Буркнул раздавленный Малевич.

– Ладно-ладно, отдыхай и не думай о плохом, тем более что Вера, так сказать, Александровна, в эту минуту заходит в море и направляется к нам, то есть к вам, Михаил Маркович.

Разрезая, словно торпеда, мелкие волны, Вера Александровна шла к своей цели. Малевич провожал взглядом рыбу-акулу, плывущую вдаль, и думал, что видимо, это был самый удачный день за последние несколько лет его жизни.

– А с кем ты сейчас разговаривал, Мишель?

– Это была Юля, мой самый верный и надёжный друг, надеюсь.

И вдруг, Михаил Маркович Малевич, подтянулся на руках, встал ногами на валун, скинул в воду «вьетнамки» и нырнул в море. Он плыл и был счастлив, бессмысленно размахивая руками и крича «Мурку» так громко, что плывущие рядом шарахались в стороны, давая ему некий коридор. Он догнал Юлю, хлопнул её по попе так, что она чуть не захлебнулась, и вернулся к Вере.

– Верунчик! Я твой навеки! Пошли ко мне и не задавай дурацких вопросов, а то брошу. Перед тобой человек абсолютно свободный и лишённый каких-либо комплексов и недостатков! Вот так! Пошли!

Первым рейсом обессиленный, но счастливый Михаил Маркович улетел в Москву, оставив в Чёрном море все горести и беды. Впереди была сладкая и безоблачная жизнь.

На этом стоило бы остановиться, но автор хотел бы высказать свою точку зрения на всю эту историю. Когда я вижу репродукции «Чёрного» или «Красного» квадратов художника Малевича, у меня возникают ассоциации связанные с этой историей, рассказанной Михаилом Марковичем мне лично, по секрету. Я тоже являюсь самым верным и надёжным его другом, и говорить об этом очень приятно.

Малевич не развёлся с Яной Сергеевной, но устроил так, что Вера Александровна переехала в Москву, удачно, как и Марина, вышла замуж, и по сей день работает шеф-поваром в одном из самых известных ресторанов Москвы. Она свободно говорит на английском и французском языках, «натаскала» её Юля, подарившая Михаилу Марковичу внука Матвея, они с Верой закадычные подружки. Вера Александровна знает русскую, европейскую, арабскую и азиатскую кухни, как свои пять пальцев, и считает Михаила Марковича своим главным учителем и главным наставником.

Но ни с Яной Сергеевной, ни с Мариной, Вера Александровна не знакома. Принципы для Михаила Марковича – это святое: не знакомить своих дам и не лежать с одетой женщиной.

Курение убивает...

(Надпись на пачке сигарет.)

Всё, о чём я сейчас поведаю, я узнал позже, со слов близких и очевидцев. Теперь же постараюсь расставить цепь событий по времени появления оных.

Часов в двенадцать пополудни, мама попыталась меня разбудить и, не добившись результата, вызвала «скорую». Меня отвезли в больницу и без всякого предварительного осмотра бросили в палату «смертников». Часа через два появился врач. Произведя некоторое визуальное обследование (я увидел это позже на других больных), поставив капельницу он, уверенный и спокойный, ушёл беседовать с мамой. «Видите ли, – сказал он, оценивающе глядя на маму, – у нас нет абсолютно никаких медикаментов. Конечно, „Перицитам“, со всеми витаминами, мы будем ставить вашему сыну, но судя по его состоянию, ему вряд ли это поможет. У него, скорее всего, обширный инсульт, и я даже не буду называть вам сумму, которая потребуется, чтобы как-то привести его в сознание и способности хоть что-либо сказать. И как это не прискорбно будет звучать, надежды почти нет. Пропуск вам дадут постоянный, можете находиться рядом». Объявив свой приговор, врач подошёл к медсестре и, отдав ей все распоряжения относительно моей персоны, удалился к себе в кабинет. Он был хороший врач, он был добрый и порядочный, я в этом убедился лично, но что он мог сделать...

Придя в себя (а это, по словам врача, было уже хорошо), я почти сразу определил состояние, в котором нахожусь: во-первых, у меня не получилось словесно уточнить место своего пребывания, а во-вторых, я понял, что тело моё почти не слушается моей головы. Когда еле-еле свернув голову влево, я увидел капельницу, а чуть далее мужика на койке, всё стало на свои места – это была клиника, а я был её пациентом. Даю слово, я не испытал страха в этот момент, он придёт много позже, уже дома, а сейчас в голове стучала одна однословная мысль: «Курить!» С этой мыслью я пролежал довольно долго: мне уже поставили новую «бутылку», и совсем молоденькая медсестра мне миленько улыбнулась. Уже началась программа «Время» (кому-то принесли телевизор) когда вдруг до меня дошло, что если в зубах не окажется сигареты, я просто умру. Мозги стали соображать остро и анализировано. Почему в тот момент около меня никого не было, выяснилось, когда мама пришла ко мне на следующий день: она сидела дома с сестрой и ждала звонка из больницы, а сестра боялась оставить её одну.

Я был один. Нехотя, но правая рука всё-таки поползла к левой, и я резко выдернул иглу из вены. Сосед со словами: «Ты чё, дурень, делаешь?» – попытался встать, но я замотав головой, изобразив пальцами букву «V», поднеся её к губам, заставил его не звать медсестру. «Что, курить хочешь?» Я кивнул. «Терпи, братан. Двое суток потерпел в бессознанке, теперь пострадай. Были бы мы одни, ради Бога, а здесь, вон напротив, мужика ещё до тебя привезли, так ты оклемался, а он в коме, и рядом с ним – тоже не жилец, так что терпи.» Я высказал предположение по поводу палаты смертников и что меня надо просто довести до туалета, т.к. я и без него знаю, что в палатах не курят. Он посмотрел на меня: «Не мычи. Ты что думаешь, я понимаю по-коровьи?» Сообразив, что речь отсутствует, я резко повернулся влево, на живот и шлёпнулся на пол, больно ударившись о ножки капельницы. Из носа пошла кровь, сосед открыл рот, но не произносил ни звука ввиду охватившего его паралича. Я на автopilоте сел на задницу, взял с тумбочки пачку (его, соседа), зажигалку и пополз к двери. Будто в кино, истекающий кровью солдат, я полз через убитых, под взрывами фашистских бомб, чтобы соединить разорванный кабель связи, сомкнуть цепь любой ценой: руками ли, зубами ли, телом, живым или мёртвым, потому что от этого зависела Победа роты, полка, армии, страны. Так я полз в коридор. Немецкий солдат, отойдя от шока, перескочил через меня, выбежал из палаты и взвыл с криком о помощи гестаповским палачам. «Сестра!» – орал он из последних сил. А я полз

и знал, что обязан доползти сам, потому что помощи не было и потому, что должен выкурить сигарету, пусть даже последнюю.

Подбежали обе, когда голова моя была в коридоре и стали все вместе меня тянуть обратно. Не ожидали они от меня такой прыти: я вырывался и полз дальше. Но они не понимали, что это было не сопротивление – это была битва за жизнь. Я перемахнул коридор в два прыжка, благо женский туалет оказался напротив, и дверь в него была приоткрыта. Сестра побежала куда-то, а моя голова оказалась уже в курилке. Почти разорвав пачку, где-то в подкорке я понимал, что мне могут не дать закурить, я судорожно щёлкнул зажигалкой и затянулся. Тут подбежали эсэсовцы дивизии «Мёртвая голова» из приёмного покоя. Они забрали у меня и сигарету, и пачку, и попытались потащить меня обратно, но я вырвался. Цель моя была достигнута: я успел несколько раз затянуться, и умиротворение вошло в моё сердце. Я заплакал. Я плакал о том, что я жив, что я достиг цели, что жизнь очень хорошая вещь что,.. что... Но присутствующие поняли мои слёзы по-своему: «Отстаньте вы от него, – сказала та, которая мне улыбалась, – пусть курит, пусть подышает, с ним возьтятся, как с ребёнком, а он тут гонки устраивает. Шумахер!» И она пошла к своему рабочему столу. «Не поймёшь вас, девчонки, – проворчал охранник, – то „помогите“, то „отстаньте“. Нам чего, больше всех надо!?» Он отдал мне сигареты и зажигалку, а я, протянул, совершенно спокойно, руку и сказал: «Затащите меня в туалет». По действиям охраны мне стало понятно одно – я был понят. Мой сосед по палате сказал: «Мужики, давайте перетащим его в мужской.»

Утром пришёл врач. Он сел на краешек кровати, долго смотрел на меня, хмыкнул, крикнул и ушёл. Вскоре пришла мама. Она плакала и целовала меня. Я забыл, когда последний раз она целовала меня. И я опять заплакал, только теперь – это был маленький мальчик, разбивший коленки об асфальт и испугавшийся за маму, бежавшую к нему. Мальчик боялся, что мама упадёт и также разобьёт коленки, и ей будет больно – она ведь женщина, а ему не больно – он мужчина.

Лампочка Ильича

Фрагмент – I

1.

Егор ждал очень привлекательную барышню в кафе «Букле», что на Арбате. Познакомились они, как не смешно это прозвучит, в метро. Он спустился туда случайно: опаздывал на деловую встречу, был в невероятном возбуждении и, ожидая подхода поезда, случайно наткнулся на синие глаза и совершенно детскую улыбку. Если бы Егор не был так раздражён пробками наверху и лимитом времени, он не обратил бы на эти глазки никакого внимания. Но сейчас, эти «синие блюдца», как у его кошки, окончательно вывели Есина из себя:

– Что вы светитесь, словно лампочка Ильича? Неужели вас не раздражает этот муравейник?

Девушка перестала улыбаться, и Егор подумал, что зря он так сказал, что у неё, прямо здесь и сейчас польются слёзы. Слёзы не потекли:

– А я и есть Лампочка Ильича, – она улыбнулась снова, наивно и виновато.

«Сумасшедшая!», – подумал Егор и отошёл чуть в сторону. Но в вагоне они вновь оказались рядом: Егора кто-то ткнул в бок, а он, в свою очередь, задел девушку. Извинился, увидел блюдца и улыбнулся, неожиданно для самого себя:

– Извините меня за резкость, но вы нормальная?

Девушка, улынувшись и немного подумав, пропела Егору прямо в ухо, стараясь перекрыть шум поезда:

– Если бы я была ненормальная, я бы ответила вам, что – нормальная. А я вам так не отвечу.

Они вышли на «Киевской» и вместе пошли на выход, к эскалатору.

– А почему вы назвали себя лампочкой?

– Вы неоригинальны в способах знакомится, но я отвечу, я уже привыкла и ответ наизусть, будто таблицу умножения, затолкала себе в голову. Дело в том, что папа мой очень своеобразно относится к вождю мирового пролетариата... А дедушка мой Ленина боготворил...

– А причём Ленин-то?..

– Не торопитесь.... Так вот, дедушка назвал папу Ильёй в надежде, что внука назовут Владимир. А родилась я. Дед рождения моего уже не застал, – девушка сдвинула бровки, и Егору снова показалось, что она сейчас заплачет, но он снова ошибся, – отец очень деда любил, но отношение к вождю и появление на свет девочки спутали все карты...

– И что? Вас назвали Лампочкой?

– Нет. Меня назвали Евлампией, но, имели в виду, именно это слово. Так и зовёт меня мой папа, Лампочкой...

– ???

– Да что тут непонятного?! Своей лампочкой, т. е. Ильича... Он же Илья, а я, как вы заметили, свечусь улыбкой, с самого рождения. Когда мама меня родила, врач, принимавший роды и поднявший меня высоко-высоко, не мог понять: то ли это нормальный первый плач, то ли – ненормальный первый смех. Все потом очень долго над этим явлением смеялись...

– Послушайте, Лампочка, – Егор хмыкнул, удивляясь фантазии отца девушки, и ляпнул, – а давайте мы с вами встретимся? Как вы посмотрите на такое предложение? Скажем, на «Пушке», там все назначают свидания, завтра, в пять?!

– О-о-о, вот это уже интересно.... Не спрашивая о замужестве моём, о том, свободна ли я...

– Вы не так поняли меня.... Хотя.... О замужестве я ещё спрошу, время будет. Если, конечно, вы согласитесь на свидание.

– Тогда, я спрошу. Вы женаты? Я не встречаюсь с женатыми мужчинами.

– Я женат на своей работе. Вот и сейчас опаздываю. А в жизни – разведён. Сыну восемь лет, мне – тридцать четыре. Живу с кошкой Симкой, в «двушке», она, Симка – хозяйка всей квартиры, жениться не собираюсь. Это всё! Так как насчёт свидания, придёте?

Егор сказал правду. Собственно, развод его состоялся именно из-за женщин. Своей внешностью, отдалённо, он чем-то походил на актёра Безрукова, имел стильный, но небросающийся в глаза гардероб и непринуждённо шёл на контакт с миром. По этим причинам, жена до истерии его ревновала за «связи на стороне». Сказать, что Есин был «чист, как альпийский снег», нельзя: были у него мелкие интрижки, но это не было его хобби или видом спорта. Просто, он был увлекающейся натурой, имеющей успех у прекрасной половины человечества. Поводов к ревности, кроме его внешности, у жены не было, и Егор в один прекрасный день понял, что у жены самой «рыльце в пушку». День наступил. Есин собрал свои вещи и вышел из дома.

– А мне нравится, что вы так объёмно открылись сразу, правда, не представившись...

– Ах, простите, Егор Есин.

– Ещё мне понравились некоторые «нестыковочки». Меня зовут Евлампия, как я уже говорила, мне двадцать три года, не замужем, но хочу. Поэтому я принимаю ваше свидание и приду на него. Ваше «не собираюсь» и моё «хочу» меня вдохновляют. Любовь – это война...

– Да? А мне всегда казалось, что любовь – это жизнь, а война – смерть.

– «Не мир пришёл Я принести, но меч», – сказал Христос, а затем добавил: «Любите друг друга!»

– О. как! Это вы тоже затолкали себе в голову, как таблицу умножения?

– Считайте, что так.... До завтра, Егор Есин...

И прежде, чем он успел ей ответить, она растворилась в людском потоке Киевского вокзала.

Вчера они встретились около памятника Пушкину. Она пришла, немного опоздав, что Егор считал вполне «светским» поведением. Он преподнёс ей небольшой букетик, и они пошли к Александровскому Саду. С ней Егору было легко: они, как-то беззаботно перешли на «ты», балагурили, подкалывали друг друга непошлыми фразами, в принципе, немного воевали. И, в конце концов, он пригласил её в маленький артистический кабачок «Букле», где сейчас и ожидал с нетерпением.

2.

У Есина была своя схема заводить знакомства, как деловые, так и личные: первая серьёзная встреча назначалась либо в ресторане, либо приглашением посетить театр, выставку или другое публичное мероприятие, включая книжные ярмарки. Здесь, считал Егор, можно ненавязчиво «прошупать» будущего делового или личного партнёра. Если по каким-то причинам, человек оставлял после встречи негативный шлейф, то Есин, без выяснений, отдалял его от себя и постепенно прекращал общение. Немаловажное значение имели события после первого случайного контакта с предполагаемым партнёром. Есину не только удалось не опоздать на деловую встречу, но и заключить важнейший долгосрочный контракт на изготовление нескольких программ, что изначально не предусматривалось. Егор возглавлял небольшую группу одарённых молодых программистов, получивших Гранд от самого Президента Медведева. Таким образом, Евлампия попала в категорию барышень, созидательного характера.

Дверной колокольчик, нежно звякнув, пригласил посетителей кафе обратить внимание на вошедшего. Это была Евлампия Ильинична. Егора не заинтересовало ни в чём она была одета, ни макияж, ни причёска. Он опять утонул в её «синих блюдцах». Встав ей на встречу, Егор протянул белую розу и отодвинул кресло, что было напротив:

– Добрый вечер, Лампочка.

– Добрый-добрый...

Есин подозвал официанта:

– Будьте любезны, принесите какую-нибудь склянку для розы, а барышня пока посмотрит содержимое меню...

Вечер проходил довольно удачно и, в какой-то момент Егор понял, что пора произвести первую мощную атаку:

– Знаешь, что меня интересует? Не применительно к тебе, а чисто в философском плане?

– Пока не знаю, но надеюсь сейчас узнать.

– Почему у большинства женщин поставлен огромный барьер на позиции «женат – не женат»? Вот у нас, у мужиков, этого барьера не существует, даже наоборот, если девушка мне симпатична, и я хотел бы провести с ней ночь, для меня разницы нет, есть ли у неё муж или бой-френд. И, если она несвободна, но также хочет остаться со мной наедине, то наличие в её жизни другого мужчины не усложняет, а упрощает желания. В последствии, конечно, могут возникнуть проблемы... Но и с незамужней женщиной могут возникнуть те же напряжения...

Лампочка задумалась, и у Егора чуть не сорвалось с языка, что, мол, только слёз не нужно. Но он вовремя вспомнил – это у неё такое выражение лица, и слёзы не польются.

– Знаешь, Егор, давай мы оплатим счёт поровну и выйдем отсюда.

– Почему поровну, я же тебя пригласил? И почему ты хочешь уйти, тебе со мной плохо? Я обидел тебя?

– Нет-нет! Всё не так. Попролам... Ну, просто я так привыкла,... а уйти,... мы выйдем на улицу и я тебе, в тишине, спокойно всё объясню. Всё, что касается меня и твоего вопроса.

– А я сегодня хотел украсть тебя из этого мира...

– ... Повести к самому краю вселенной... и подарить мне эту звезду?...

Есин расхохотался.

– У тебя очень огромная таблица умножения...

– Когда своих мыслей нет, приходится использовать чужие цитаты... Я знала, что ты предложишь мне сегодня остаться у тебя. Именно по этому, я и предложила совместную оплату за съеденное и выпитое. Чтобы у тебя не возникало иллюзий по поводу моего поведения. Ты далеко проживаешь?

– Через три дома, в Конюшенном.

– О, как. А жена, бывшая, здесь тоже, недалеко?

– Нет, она в Перово с сыном. Я всего восемь месяцев здесь живу. Случай подвернулся – купил. А до этого у друга на даче жил в Дмитровском районе.

– О, как! Случай подвернулся! Шёл по улице, а навстречу случай подвернулся! Ты его хвать и в сумку...

Есин снова рассмеялся. А смеялся он заразительно, немного похрюкивая, словно розовый поросёнок.

– Смешно у тебя получается свои мысли излагать. Они гораздо интереснее, чем цитаты.

– Да. Смешнее не бывает... А я на Пришвина, недалеко от МКАД, с мамой.

– А приколист папа?

– Очередной приколот: он оставил нас, когда мне исполнилось восемнадцать, подарок преподнёс в день совершеннолетия. Но я, всё равно, его очень люблю. Он – единственный мужчина, которому я верю, как себе!

Выйдя из кафе, они направились к его дому.

– Не спеши, Егор, сбавь темп, а то не успею объяснить тебе свои взгляды. Так вот. «На чужом несчастье...», – далее ты в курсе?

– Ну, это ещё бабка надвое сказала... Неубедительно.

– Не перебивай. Дело не в том, бабка или дедка... Просто, если даже у обоих возникнет светлое чувство, от такого «бегунка» неизвестно, чего ждать в будущем. Понимаешь? Ты откроешься перед ним вся, вывернешься наизнанку, а он через год-два, ни слова не сказав, исчезнет, словно ёжик в тумане...

– Постой! А где гарантия, что холостой не исчезнет гораздо раньше?... Мужу тридцать, чуть меньше, а он холостой. Это же подозрительно даже? Именно это, на мой взгляд, говорит о его непостоянстве. При условии, конечно, что он нормальный мужик!

– Да, так. Но встречаясь с одиноким, всё-таки на что-то надеешься... И, в тоже время, всегда готова к его исчезновению: не вертишься перед ним кроликом...

– Не вижу разницы... Женатый, также может уйти от жены и угомониться... В общем, ты мне так ничего толком и не объяснила. Я понял лишь одно: женат – до свидания, не женат – поглядим на твоё поведение. И баста. Женская логика – умом не понять... Всё мы пришли! Идём?!

3.

В квартире у Есина было довольно комфортно. Но Лампочка сразу поняла, что в доме бывают только случайные женщины: не было ухоженности и уюта. Было – жилище.

– Сварю кофе...

– Не нужно. Я не хочу. Сядь лучше рядом.

Егор, молча, повиновался.

– У меня был парень. Хороший парень. Очень хороший друг был. А потом, что-то сломалось. Он псих был...

– Не понял, больной что ли?

– Нет, просто взрывной и бешеный... Не смотри ты так на меня, Егор... он, просто, если что-то его не устраивало, не по его что-то получалось, у него самый настоящий припадок начинался, чуть ли не пена изо рта шла, трястись начинал, слюной брызгал... рук, правда, не распускал, но зрелище было омерзительное. В конце концов, мне всё надоело, и я ушла от него. Он меня «доставал» ещё недели две, а потом пропал. Я успокоилась, немного в себя пришла, с месяц где-то остывала от него... думаю, дай, звякну ему домой... поболтаем, как старые друзья... глядишь, опять будем общаться, но уже в ином качестве, не как... ну, словом, останемся друзьями... а мне его мама ответила, что его больше нет – моментальная остановка сердца. Понимаешь, он даже не понял, что его больше нет! Понимаешь, Егор! Ты понимаешь это, Егор? – И на её улыбку, не сходящую с её лица, потекли слёзы.

Егор даже не понял, что происходит. А слёзы текли и текли. Лампочка не закрывала лица, не вытирала щёки, как это делают в подобных случаях, не всхлипывала. Она плакала, улыбаясь при этом своею детской улыбкой, и только причитала, откинувшись на спинку дивана, словно читала молитву: «Двадцать семь лет, двадцать семь, как Лермонтову... двадцать семь, а я оборвала, будто Мартынов пальнула в сердце... двадцать семь лет, а я в двадцать три – убийца. Боже, прости меня, Господи... Боже...»

Есин испугался, что не сможет остановить этот кошмар. Он был уже не рад тому, что пригласил Евлампью (вот, папа имечко подсуропил!) в дом «на кофе». Какой здесь может быть кофе? Тут коньяку литр нужен, а не кофе с бубликом.

Зазвонил телефон, и Лампочка моментально перестала реветь. «Вот это смена настроений!», – подумал Егор и снял трубку:

– Да, Есин.

– Егорушка, – заворковала трубка, – это твоя персональная «Pussy Riot». Когда начинаем концерт?

– Вы не туда попали – ответил Егор и положил трубку.

– Кто это, Егор? – Евлампия была точно такая, как десять минут назад, цветущая и жизнерадостная.

– Какого-то Гену спросили, – а сам подумал, что она сама больна на всю голову.

Он вышел, принёс бутылку «Ноя» и разлил по рюмкам содержимое.

– И когда всё это произошло?..

– Месяца четыре назад, – беззаботно отозвалась Евлампия, пригубив коньяк, – вкусный, ... а я в коньяках совсем не разбираюсь...

Зазвонил телефон.

– Ты чего, Егор, офонарел совсем, «не туда попали...»

– Послушай, «чего тебе надобно, старче?» Время десять, а ты названиваешь? Я сплю уже!

– Рановато, Егорушка, или ты не один спишь?

– Да. Верно. Дальше что?

– А если я сейчас приеду?

– Валяй, тебе же хуже.

– Ладно-ладно. Не волнуйся. Не парься и получай удовольствие.

Трубка дала отбой.

– Егор! Не выгоняй меня сегодня. Мне от тебя ничего не нужно. Я здесь посижу, а ты иди, ложись. Я уже и маме сказала, что домой не приеду.... Пусть думает, что у меня личная жизнь налаживается, а?

– Тебя никто и не гонит, Лампочка ты моя, и Ильича...

Она положила ему голову на плечо, обняла руками за шею и прошептала: «Спасибо тебе, Егор.... Имя у тебя красивое, произносить приятно. Кажется, „г“ в середине, вроде резко звучать должно, а звучит мягко-мягко... Его-о-ор...»

В дверь позвонили. Есин понял, что эта Пуси, всё-таки, выполнила своё обещание. Он резко открыл дверь и отпрянул от неожиданности. Перед ним стояла Лена, с которой он уже как месяца два не встречался. Он и имя её не сразу вспомнил.

– Ну, что Егор Александрович, не ждали? Не ждали! – Егор не мог видеть, как за его спиной появилась Лампочка. – А, вот и новая зазноба! Ты у нас Егорушка, просто половой гигант, с огрызком вместо члена. А я тут с Надькой твоей в баре.... Подсела ко мне девица.... Я у стойки сижу, пью кофе, и она тут... шасть... рядом, сидит, плачет. Я ей говорю, что, мол, чего плачешь, дура?! И она мне про своего кобеля, как начала чесать,... что и такой он у неё и сякой... разрисовала мне его... во всех подробностях... и, говорит, что имя у него необычное.... А я слушаю и ушам не верю! Вот те раз, это же Егор Александрович! Собственной персоной.... Так мы и подружились. Она там, внизу стоит, стесняется. А я, баба простая, стесняться мне нечего. Вот и зашла, так сказать, по-свойски. Что, ЕГЕ, групповуху устроим?

Евлампия не говоря ни слова, надела свои туфельки и пошла домой, к маме. Последнее, что она услышала, были слова Егора Александровича:

– Дура ты, Леноч, какая же ты дура!

У подъезда стояла девушка, но было уже темно, и Лампочка не могла разглядеть её внешности.

– Вас, случайно не Надя зовут?

– Да, а что?

– Егор Александрович очень просил вас подняться. Я спустилась по лестнице, а он стоял с какой-то женщиной и попросил, чтобы я передала вам его просьбу. Там вас приятный сюрприз ожидает, что-то групповое, кажется, застолье.

– Спасибо вам, большое, – и Надежда рванула в подъезд.

Евлампия проводила её взглядом, улыбнулась, и пошла на Арбат.

«Всё-таки, мы, бабы, действительно, стервы, – подумала Евлампия, улыбаясь встречным прохожим, – зачем я ей это сказала? Шла бы себе и шла. Нет! Дёрнул чёрт за язык.

А Егор, видимо, прав. Какая, в сущности, разница, женат – не женат... Он разведён и что из этого вытекает? Садом и Гоморра. Слышала же я телефонную трескотню этой Уси-Пуси? И ничего. Проглотила. Сделала вид, что ничего не слышала. Значит, меня это устроило. А он, актёришка жалкий, будто бы с мужиком болтает, а тот ему, якобы с угрозами. Как у него ума хватило, мне про рэкет «лапшу не повесить на уши»? Тогда бы точно не сдержалась бы. А так, нет! Нормально всё! Господи, ещё пилить и пилить до Медведково. Завтра надо будет ему позвонить, узнать, как прошла ночь. Очень интересно, как он среагирует на звонок? Егорка, наш, Александрович Есин».

Фрагмент – II

1.

В свои двадцать три года, Евлампия Ильинична была очень не дурна собой, но по складу своего характера, она просто не могла иметь сколь-нибудь значимого опыта в общении с людьми. Все знакомые называли её сплетницей и интриганкой, хотя, это было не совсем так, то есть, совсем не так.

Здесь я позволю себе небольшую авторскую ремарку или, если хотите, авторское утверждение: у человека должна быть, хотя бы очень маленькая, но своя тайна, так же, как своё, пускай очень крохотное, но его личное пространство.

Тайн, как впрочем, и пространства, у Евлампии не было. Она вся была настолько открытая, насколько совершенно не защищённая. А, кроме того, у неё был довольно существенный недостаток: принимать желаемое за действительное. Рассказывая кому-то о ком-то или о чём-либо, она совершенно не пыталась стреножить свою бурную фантазию и слушающие весь этот бред собеседники не могли осмыслить, где закачивалась правда, и начинался вымысел.

Евлампия не врала, потому как, ложь всегда преследует корыстную цель: желание быть лучше, чем ты есть на самом деле. Евлампия же фантазировала и придумывала просто для того, чтобы друзьям-подружкам было интереснее её слушать, и не преследовала никаких потаённых желаний. Когда же народ начинал выяснять или передавать из уст в уста евлампиевскую информацию, то на поверку, всё оказывалось сплошной бредятиной и многие попадали в довольно щекотливые и неприятные ситуации. Так и неделю назад, придя домой за полночь, посмотрев на мать, вышедшую в прихожую, Евлампия, неожиданно даже для себя, вдруг запела: «О, Боже, какой мужчина...» и принялась вальсировать.

– И кто же он, от которого ты хочешь и дочку, и сына? – больше радуясь, видя счастливую дочь, чем огорчаясь за столь позднее появление, спросила Галина Павловна, по мужу, Фастовская.

– Егор Александрович Есин, – продолжая вальсировать и фальшиво напевать, мяукнула Евлампия.

– Так ты что, влюбилась?

– Ага! Влюбилась, мамуля!

– А он?

– А он сделал мне предложение, а я дала согласие, а ты, самая лучшая мама на свете, готовь пир на весь мир и маленькую кроватку!!!

Евлампия продолжала веселиться, не понимая, что фантазия её была сегодня абсолютна неуместной: Есин не только не делал ей предложения, он даже не высказался по поводу следующего свидания, потому что не успел этого сделать или не захотел останавливать убегающую

от него очередную пассию, не говоря уже о каких-либо поцелуях. Галина же Павловна чуть было не лишилась чувств:

– Господи, – только и смогла произнести она, – когда ж вы успели-то?..

И Евлампия рассказала ей, что они уже почти месяц встречаются у него в Конюшенном, назвала и дом, и квартиру, и обстановку, и еду, которую поедали все эти дни, и о чём разговоры разговаривали, и какие букеты он дарил.

– Что же ты их домой-то не приносила?

– А я их, выходя от него, в урну бросала, дабы тебя раньше времени не огорчать: мало ли что, вдруг разлюбит. Но он не разлюбил. Вот!

О-о! Если бы только она имела дар предвидения... О-о, если бы только...

Прошла неделя. Евлампия давно забыла о своих фантазиях, забыла она и Есина, так и не позвонив ему, и про пир, и про кроватку забыла Евлампия. Но не забыла обо всём Галина Павловна.

– А что же ты про Егора больше не рассказываешь? – Вопрос был задан настолько неожиданно, что Лампочка, даже включится в него, не успела.

– Какой ещё Егор? А-а, Егор... Да ну его, надоел мне этот Егор, – глотая бутерброд с колбасой и запивая его чёрным кофе, Евлампия попыталась сосредоточиться, – мы расстались. Надоел он мне. Зануда. Нудит и нудит.

– А как же с кроваткой дела обстоят?

– Мам, да забей ты на этого Егора. Забей и забудь про него.

Ха! Забудь! Это ты, Лампочка забила и забыла, а госпожа Фастовская, в девичестве Дворкина, совсем не забыла. Она также не забыла ни адреса, ни номера квартиры, которую купил недавно Егор Александрович, ни детскую кроватку с коляской, уже втайне от дочери, рассматриваемые ею во всех магазинах.

2.

– Добрый вечер, Егор Александрович. Прошу прощения за столь поздний визит. Разрешите войти? – И не дожидаясь ответа, Галина Павловна прошла в жилище стоящего в столбняке молодого человека.

– Здравствуйте. А вы собственно к кому? – Немного подумав, Есин сообразил, что раз его называют по имени-отчеству, то вопрос был поставлен не совсем правильно. И он поправился. – Что Вам угодно? Не имею чести знать вас.

– Я мать Евлампии Ильиничны.

– Кого? Не понял... А-а, Лампочки? Что-нибудь случилось?

– Меня зовут Галина Павловна, – будто не слыша вопроса, продолжала дама. Она хотела ещё что-то сказать, но открыв рот, оцепенела от услышанного далее:

– Что с ней? Она жива?

– Что означает ваша «жива»? Почему вы так спрашиваете? Вы что обидели её, оскорбили, ударили? – Лицо Галины Павловны стало заливаться краской.

– Да что вы? Просто когда мы с ней встретились, она очень переживала по случаю смерти своего близкого друга, а затем сорвалась с места и убежала. Лампочка так рыдала в тот вечер, что я подумал, как бы она не...

– Подождите! Не надо так много ненужных словословий! Какой «близкий друг»? Какая ещё «смерть»? У нас никто, слава Богу, не умер... ещё... пока.

– Ну, я не знаю. Может она вам не всё рассказывала о своих влюблённостях...

– Ах, вот оно в чём дело!.. Вы её приревновали и решили, что это не ваш ребёнок! Все вы, мужики, одинаковые! Все – кобели! Но, у вас этот номер не пройдёт. Ребёнок ваш! Мне Ева всё рассказала...

– Какая Ева? Что вы несёте? Какой ребёнок?..

– Ева – это Евлампия. Я так зову свою любимую дочь, а отец кличет её лампочкой, тоже ещё тот кобель. Бросил меня с маленьким ребёнком...

– Лампочка говорила, что ей восемнадцать исполнилось, когда он вас оставил.

– А вы считаете, что в восемнадцать лет человека, тем более девочку, можно называть человеком? Вы, молодой человек, сами ещё и не человек, хотя и квартира у вас, и машина, видимо, имеется, а всё равно, ведёте себя, словно дитяtko малое: сделать ребёнка – это вы мастер, а кто его воспитает? Бабка, ни сегодня-завтра, в гроб сходящая? Девочка, не прожившая и четверти века? Кто?

– Стоп! Давайте разбираться...

И они стали разбираться. До двух часов ночи Есин и Фастовская-Дворкина проясняли ситуацию, цитируя рассказы Лампочки-Евы о смертях и детях. Они в какой-то степени даже подружились, выпив по чуть-чуть коньячку и в итоге, Галина Павловна осталась ночевать у Егора Александровича.

Нет-нет, друзья! Может быть, Галина Павловна была бы и не против, если бы Есин предложил ей прилечь рядом, может быть, «нам не дано предугадать», и давайте не будем фантазировать, уподобляясь Фастовской-младшей, но для Егора, всё-таки, существовал возрастной барьер в сорок пять лет. Поэтому, видимо, оценив её на несколько больший срок выдержки, Есин и постелил ей в гостиной, а сам отправился в свою одинокую спальню.

3.

– Ну, Лампадка, «ты, как я погляжу, придумывать мастак»! – Есин стоял вместе с Галиной Павловной на пороге квартиры Фастовских и внимательно сканируя, смотрел на открывшую им дверь, заspanную Евлампии Ильиничну.

– Девочка моя, Евочка, зачем же ты поставила меня в такое дурацкое положение. Ты, после всего, что произошло, должна быть благодарна Егору за то, что он не выкинул твою несчастную мать в безлюдную ночь, оставив меня у себя.

– Мама, ты о чём говоришь?! О. Боже! Да как ты посмел, – она бросила гневный взгляд в сторону Егора, – как ты мог, Егор?!

– Лампа! Ты соображаешь, что ты мелешь?! У тебя совсем крышу снесло? Из-за твоих сексуальных извращений меня чуть было не сделали отцом заочно, а ты всё продолжаешь и никак не уймёшься...

– Не смей, так разговаривать с моей девочкой! Евочка, доченька, не бойся его, он хороший, он маму твою приютил...

– Обогрел, ... обласкал...

– Да ты что, дочь?! Как ты такое подумать могла?..

– Не смей, так разговаривать со своей дочерью!

Догадались, друзья мои? Они поладили. Фантазии Евлампии впоследствии пригодились: сказки свои она рассказывала Есиной Любви Егоровне, на ночь. Любовь засыпала неохотно, а без маминых рассказов и вовсе отказывалась. Иногда, в мамины былины заходила и Галина Павловна, внося свои коррективы, но случалось это довольно редко, потому как бабушка весь день сидела с любимой внучкой, пока родители добывали хлеб насущный с маслом и икрой.

На работе у Лампочки-Лампадки-Евы сослуживцы также заметили значительные перемены к лучшему и перестали называть её интриганкой, тем более, что многие из них были приглашены на свадьбу в Царицынский парк в ресторан «Усадьба», где и пожелали молодым: «Жить долго и счастливо...». Чего и я вам желаю, друзья мои.

Дневник ефрейтора Стрижа

*«Мы шатались на Пасху по Москве, по церковной...»
Леонид Филатов. «Дневник прапорщика Смирнова»*

25 ноября 1981 года.

Сегодня я впервые был вызван в клуб на репетицию.

До принятия Присяги, а присягать на верность Родине нам предстоит через одиннадцать дней, мы находимся в карантине или, как здесь говорят, в «школе молодого бойца». Шаг в сторону из казармы без приказа начальников – дезертирство. А командиры, младшие сержанты, все младше меня на два года.

Такой получается анекдотец...

...Неправильно я веду дневник. Более не буду делиться впечатлениями сегодняшнего дня, а постараюсь придать всему форму рассказиков...

– Товарищи бойцы! Нормативы приведения боевой установки (БУ) в состояние боевой готовности двадцать минут. После чего, заправленное изделие доставляется с нашей базы на точку пуска.

– Товарищ капитан, вопрос можно?

– Фамилия?

– Стриж. Сергей Стриж.

– Не Сергей Стриж, а рядовой Стриж. Понятно? И не «вопрос можно», а «разрешите обратиться». Ясно?

– Я ещё Присягу не принял, а вы мне уже звание присвоили. Непонятно, товарищ капитан. Как так?

– Сядьте, боец Стриж.

– А вопрос?

– Слушаю, – капитан, еле-еле сдерживая себя, весь трясётся от злости, но держится молодцом. Уважаю.

– Вчера, на политзанятии, вы сказали, что ракета, пущенная с базы НАТО из ФРГ, долетит до Москвы за 15—18 минут? Вопрос: зачем нужен этот норматив, если нас уже нет две, а то и все пять минут?

Капитан садится на стул, снимает фуражку, расстёгивает китель и залиvisto начинает смеяться. Мне это очень импонирует, и я тоже сдержанно хихикаю.

– Сергей, – капитан застёгивает китель, – скажи, тебе оно это надо? Посмотри вокруг себя? Ты один не спишь. Хотя, я точно знаю, что сержанты мои ночью поднимают тебя, наливают водки, и слушают песни, которые ты под гитару поёшь.

– А откуда вы...

– Расслабься. Сам как-то ночью зашёл, а здесь концерт. Хорошо поёшь. Очень хорошо. Я стул из класса взял, сел рядом с дневальным, который при моём появлении, даже не шелохнулся: спал стоя и просидел весь твой «концерт» в коридоре. Не хотелось прерывать тебя. А сейчас у тебя что – похмельный синдром? Если тебе плохо, то и другим должно быть плохо? Ты думаешь, офицеры все тупые?

Нет, дружок! Ты ещё в спортзале сидел, а прапорщик Осадец уже разнёс по всему городку, что у нас теперь не ансамбль будет «бла-бла», а сказка. Один человек, конечно, не может из говна конфету вылепить, но иногда, а у нас именно такой случай, один может быть главным недостающим в очень хорошем коллективе. Так что, Серёга, не умничай и дуй в клуб. Меня Осадец попросил тебя сегодня до отбоя.

– А обед? Ужин? Как же?... – Я растерялся. В Железнодорожном, на областном призывном пункте, прапорщик знал, что не до учившись полгода, в армию призван эстрадный вокалист. Он, разыскав меня, предложил службу в двадцати пяти километрах от родного дома, в клубе. Больше, с шестнадцатого ноября, я его и не видел. И вдруг...

– Не дрейфь, голодным не оставят. Только по городку бегом. Хотя... и сам побежишь, когда на улице морозильник. У нас встреча Нового года намечается: от мира не отстаём. Скорее всего, в спортзале, на всю ночь. А утром в клубе концерт для солдат. Так что теперь я тебя больше и не увижу на политзанятиях, слава Богу...

...Я вошёл в клуб, ощущая некий дискомфорт от неизвестности. На первом этаже была каменная, подвально-сырая тишина. Неуверенно поднявшись на второй, уловил я звуки духового оркестра, невнятно что-то пиликающего. А справа, за закрытой дверью усердно били в барабаны, бубнил бас и, по-сатанински, звучала гитара. Дверь резко распахнулась. В проёме появился полуголый человек, в штанах и, смешно, в шапке. Фраза, соскочившая у меня с языка от удивления и неожиданного явления, была нелепой и вызывающей:

– А шапка-то зачем? Застудить боишься чего нет?

– Ты кто? – Вместо ответа, спросило Явление.

– Боец Стриж.

– А-а! Звезда жанра! Давай заходи. Я сейчас поссать сбегая и будем разговаривать.

– Так, шапка-то... – но Явление не услышало меня: оно уже «летело» на первый этаж.

Я вошел в класс. Из-за барабанов вышел ко мне, весь одетый, младший сержант. Гитарист отложил инструмент синхронно с басистом. Меня обступили. Я напрягся, но виду не подал.

– Сергей, – барабанщик протянул руку. Увидев мой взгляд, направленный на его черный погон с двумя лычками, он хмыкнул, – не обращай внимания, я сначала в «учебке» был, а уже после неё сюда попал.

– Понял. Тоже Сергей. – Я протянул руку.

– Виктор, – сказал гитарист. Басист оказался Сашкой. Он так и сказал: «Сашка».

Появилось Оно и сходу запело: «вы слышали, как поют стрижи».

– Олег. Клавишник. И когда «куска» нет, старшина всего этого клуба.

– Олег, простите, я так и не понял, а шапка-то зачем?

Все заулыбались, а «кускозаместитель» глубоко вздохнул:

– Вот, господа, – при слове «господа» я немного дёрнулся. Никогда в бытовой речи я ещё не слышал обращения «господа». В романсах, которые я любил, в произведениях классиков – это было, но звучало или читалось это слово, как бы, не тобой. Когда я, допустим, пел: «...Господа, офицеры, голубые князья...», я понимал, что пою от имени героя этого романса (белая кость, голубая кровь...) и никогда не проецировал свою особу на персонаж. Это был не Я, это был Он. А сейчас: «господа»! И на полном серьёзе! – Эх, господа, учитесь! На «вы»! Что значит интеллигенция! Не в пример нам – лабухам.

– Олег, это уже через пять минут пройдёт, – уверенно сказал Сашка.

– Жаль, господа, очень жаль. – Только теперь я понял, что Олег, всё-таки, куражится. – Шапка, молодой человек, нужна не для того, как вы изволили давеча высказаться «чтобы не застудить того чего нет», а для того, молодой человек, чтобы можно было «отдать честь», проходящему мимо начальству. Ты можешь быть абсолютно голым, но... в шапке. Понятно?! Порядки у нас в клубе такие. – И без паузы, не меняя интонации, он продолжил, – чем дышим? Что поем? Ты не тушуйся, у нас у всех училища за плечами, а во время учёбы все где-то халтурили: танцы, свадьбы, банкеты, поминки... шутка. Так что, если что-то за год службы мы выпустили из поля зрения, то так и скажем, лохматить не будем. Но лучше, пока, не удивляй новизной, мало ли что... Но! Пока, только наше, Советское. Сам понимаешь.

Я назвал пару песен из «Машины времени», пару из «Воскресенья» и две, совсем новенькие, тайно надеясь удивить, из «Карнавала».

– Олежек, – замахал руками гитарист, – мы же договаривались, все эти «тупики» и прочую карнавальскую лабуду, я играть не буду. Это ж сидеть, Кузьмина «снимать» надо...

– Успокойся, Витёк. Пока, мы оставим «Карнавал» в покое. А вас, молодой человек, я предупреждал... – Олег встал из-за клавиш, вытащил, как фокусник, неизвестно откуда, несколько тетрадных листочков и протянул мне. – Посмотри.

– ???

– Это то, что мы сегодня играем, так сказать – репертуарчик. Выбери что-нибудь и давай, наконец, мы слушаем что ты и кто ты.

Я поглядел листочки и обомлел: там были все песенки, что сегодня играют на танцах, свадьбах, и, как пошутил Олег, на поминках.

Я выбрал одну, текст которой знал, и репетиция началась!...

Ночь с 31.12. на 1.01. 1982 года. Спортзал N-ой В/ч.

Уже с двадцатого декабря мы «окучивали» городские новогодние мероприятия. Гуляли отдельные компании, заводские цеха, горкомовские службы... Но все эти «гульки» и банкеты объединяло два начала: встреча Нового года и кафе «Чайка».

Я «влился» в коллектив уверенно и достойно, все-таки удивив всех. После принятия Присяги, я уговорил прапорщика Осадца отпустить меня домой, хотя бы на день. Поводом послужило отсутствие у нас достойного микрофона. Я был отпущен до двадцати часов и вместе с микрофоном, водкой и тридцатью рублями, привёз новый магнитоальбом, посвящённый Высоцкому. Напел его Питерец, Розенбаум с братьями Жемчужными. За моё месячное отсутствие на «гражданке», альбом не только появился на свет, но и стал очень популярным. Олег спроецировал это явление на прошлый век, когда после смерти Пушкина вся Россия узнала имя нового поэта Лермонтова:

– Как меняется темп жизни, – философски заметил он. – Тогда – одно стихотворение, сегодня – сорок минут звучания.

Из альбома мы взяли три песенки в свой репертуарчик: «Про казака», «Заходите к нам на огонёк» и «Гоп-стоп», но пели на банкетах две первые, так как в третьей было «нехорошее» словцо, а заменить его не хватало фантазии и рука не поднималась.

Кроме того я привёз песню записанную Леонтьевым к предстоящему «Новогоднему аттракциону» Гинзбурга. Песня была из репертуара польской певицы Родович, но пел её Леонтьев на русском языке.

– А где ты её взял? – спросил Виктор, узнав, что песни только ещё предстоит «увидеть» свет в новогоднюю ночь.

– Тык, Женька Гинзбург и подогнал, – слукавил я язвительно.

– Кто?

– Режиссёр программы... Но мы-то её не увидим... Поэтому, предлагаю спеть её первого, для солдат и офицеров.

– А ты что, Евгения Александровича знаешь? – Олег посмотрел на меня с недоверием. Он явно был в теме, и моё предполагаемое знакомство с Гинзбургом означало: либо я привираю, либо «мне непонятно, что ты делаешь в нашем клубе, за сорок километров от Москвы?»

– Мужики, – я постарался свернуть тему, чтобы никого не разочаровывать, но при этом не выглядеть откровенным мелким лгуном, тем более, что доля истины в моих словах всё же была: запись мне дал, под строжайшим секретом, второй звукорежиссёр программы, – какая вам разница откуда я её взял? Запись есть. Деды, сержанты, да и многие другие её увидят в Новый год, когда все офицеры будут плясать в спортзале. А на концерте, все охнут. Будет успех!

– Дешёвой популярности ищешь? Нехорошо.– Но Олег явно был доволен.

– А я-к же.

Именно, после введения новых песенок, я увидел, что был признан, как равноправный и равноценный музыкант. И это было самое главное событие в сегодняшней моей армейской жизни, начиная с шестнадцатого ноября.

В двадцать два часа мы подключили аппаратуру, и ребята начали играть «фоновую» инструментальную музыку.

В двадцать три – командир части произнёс офицерскому собранию, с подругами, жёнами и, даже, с детьми, тост о, теперь уже, прошлогодних достижениях. Все трижды грянули: «Ура!» и выпили.

Мы, отвернувшись, втихаря, также пригубили водочки за успехи, достигнутые нашей частью...

...И выступил Генсек, и отзвучал гимн Советского Союза, и были произнесены тосты... и тут я, словно Булгаковский кот Бегемот, рявкнувший: «Маэстро, урежьте марш», гаркнул:

– С Новым годом всех! Объявляется офицерский новогодний танец! Господа офицеры (офицеры оцепенели, но было поздно: меня, чуть поддатого и весёлого, уже понесло), пригласите на новогодний тур вальса своих боевых подруг!

И не дожидаясь вступления музыкантов, я запел приблизительно, в установленной на репетициях тональности:

– Мы катались на Пасху по Москве, по церковной,
И была ты в то утро для меня одного.
Помнишь, лавку Гольштейна? Я истратил целковый
И купил тебе пряник, вроде сердца маво.

А потом нам играли невозможное танго,
И седой молдаванин нам вина подливал.
Помнишь? Я наклонился и шепнул тебе: «Танька!»
Больше я в это утро ничего не сказал.

Ребята, конечно же, подхватили мгновенно. Мы репетировали только этот текст, потому как, далее пелось о Стамбуле, Марселе и русской эмиграции. Осадец наш, прослушав два куплета, большое гитарное соло и повтор стихов, одобрил вальс, сказав, что ранее не слышал такой великолепной песни...

Но эффект, произведённый моей краткой речью, а» капельным вступлением «мы катались на Пасху по Москве, по церковной» был ошеломляющим.

Бог мой, я и не думал, что Советский полковник, слушавший до этого Гимн СССР, отдавая честь, поскольку находился один в головном уборе, снимет фуражку, пригладит руками волосы, оправит китель и, повернувшись анфас к своей жене, кивком головы, словно полковник Русской Армии, молча, одними глазами, скажет: «Честь имею, сударыня, пригласить Вас на тур вальса». Его примеру последовал и начальник политотдела, а за ними повскакивали все остальные офицеры и прапорщики, поправляя причёски, одёргивая китель, вытягиваясь в струнку, слегка «щёлкнув» каблучками своих ботинок. Даже те, кто был в гражданской одежде, одёргивали свои пиджаки и кивком головы, все без исключения, говорили: «Честь имею, сударыня, пригласить Вас на тур вальса». Мы будто перенеслись по времени в дореволюционное прошлое. Я пел, а в голове проносились слова капитана: «Ты думаешь, офицеры все тупые? Нет, дружок!»

О, нет! Теперь я так не думал. Видимо, в подсознании у каждого из нас сидело, сидит и будет сидеть безграничное уважение к защитникам нашего Отечества.

Когда я закончил петь, откуда ни возьмись, передо мной вырос прапорщик Осадец. Но он не успел ничего сказать, потому что, открывающийся его рот заткнули, взорвавшие спортзал

аплодисменты, крики «браво», «давай ещё в том же духе», «молодцы», «эх, солдатушки, браво, ребяташки»...

– Ну, Стриж, не ожидал, – только и смог сказать обалдевший Олег.

Обведя всех победным взглядом, я улыбнулся и моргнул левым глазом:

– Поехали! «Двадцать лет спустя».

Господи! Что было потом?! И «Я больше не ревную...», и «Марионетки», и «Песня первоклассника», и «Маг недоучка», и «Ах, Одесса», и «Всё очень просто», и «Утомлённое солнце», и «Мясоедовская», и «Летящей походкой...». Спели мы и две песни Розенбаума. Принималось всё «на Ура». Пели и танго, и вальсы, и быстрые, и медленные, и блатные... Всё – «на Ура»!

– Ну, чего, Олежек, давай «Гоп-стоп»?

– Птаха, а ты не боишься матом-то?

– А! Ерунда! Все уже пьяные... проскочит...

– Ну-ну...

Проскочило...

– Э-э, Олег! Так-то и я могу...

– А чего сыграть-то?.. – он даже и не понял, что процитировал. Получилось всё само собой. И у меня вырвалось:

– Мурку!

И Олег, то ли по инерции, то ли не подумав, то ли сработали водочка и наши, совершенно гражданские, танцы, заиграл «Мурку». Он заиграл, а я запел: «Прибыла в Одессу банда из Ростова...». Припев офицеры орали вместе с нами: «Мурка, мур-мур-мурёночек...» Но у меня другой финал. Я не помню где, кто и когда мне его спел, но это оптимистичный финал:

«Рабинович стр'ельнул, стр'ельнул – промахнулся

И попал немножечко в меня.

Я лежу в больнице, а, падла, Рабинович

С Муркою гуляет до утра».

И вновь весь спортзал подхватил припев. Орали и жены и дети и начальник особого отдела, майор Вощанов.

В пять утра песней «Мы желаем счастья вам» я зафиналил встречу Нового 1982 года.

Когда стали собирать аппаратуру, увидели, что к нам направляются майор Вощанов и начальник политотдела части, полковник Кузенков.

– Всё, Птаха, хана, – только и смог шепнуть Олег.

Осадец, находившийся рядом, весь бледный, выдохнул:

– Стриж! Убью!

Они подошли. Пьяненький Кузенков улыбался во все сорок два вставные зуба.

– Кто предложил спеть «Гоп-стоп» и «Мурку»?.. – майор «воткнулся» пронзающим взглядом в Осадца.

– Товарищ майор, это лично моя инициатива, – в напряжённой тишине, стоя «смирно», еле прошептал я.

Замерли все, предвкушая нечто не новогоднее... Первым не выдержал полковник:

– Что, обосрались все?! – он весь перегнулся от смеха, – все-е-е! А молодой – нет! Молодец, солдат! Осадец! Тебе объявляю благодарность от командования части. Командир доволен.

– Служу Советскому Союзу!

– А его, – глядя на меня, – как фамилия?...

– Рядовой Стриж...

– Лети, сынок, в отпуск! Десять суток! Заслужил.

– Служу Советскому Союзу!

Первое января.

...Пишу я эти строчки уже вечером, первого января, потому что днём было продолжение Новогоднего праздника.

Офицеры и прапорщики, скорее всего, рассказали своим подчинённым о прошедшем празднике в восторженных интонациях. Почему я так думаю? Всё просто: на концерт пришли и офицерские жёны, и молодые мамы с грудными детьми, и бабушки-мамы своих сыновей. Многим солдатам не хватило мест в зале, и они простояли все полтора часа.

В клубе были: кружок бальных танцев, музыкальные классы, кружок художественного слова, а также хор русской песни. Всем занималась жена начальника клуба Ирина Васильевна Соболев. Из каждого кружка было отобрано по два-три номера. Также, две песни пел Олег, он начинал весь концерт песней «Я люблю тебя, жизнь», а в середине пел ещё в номере худ. слова «Песню старого извозчика». Я должен был спеть только «Ярмарку» ближе к концу программы.

На первом припеве, я расстегнул китель, на втором – я крутил его над головой, а на третьем – китель оказался выброшенным в кулису...

Не знаю, какая муха меня укусила, но как только солдаты захопали, затопали сапогами, засвистели и заулюлюкали от удовольствия, я в той же тональности не дожидаясь аккомпанемента, зная, что Олег, не слышавший раньше песни, всё равно подхватит её, запел песенку собственного сочинения «Жизнь усложняется»:

Жизнь усложняется, мозгами раскинь-ка,
Мир раздвоился на каску и джинсы,
Ты каждое утро в сердце России
Едешь в вагоне зелёно-синем.

Я каждое утро с тобою вместе
В мыслях ездил, и буду ездить,
Но сил моих не хватает, песен,
Чтоб сесть с тобой рядом в вагоне тесном.

Запах волос ощутить хочу ближе,
К губам твоим прикоснуться медленно,
Но мир раздвоился на каску и джинсы,
На джинсы и форму зеленого цвета.

Ремень затянул на пупке потуже,
Как шар земной затянул экватор,
Я сердце свое затянул и душу,
Но ты, будто камень, в душе моей спрятана.

Года всё проходят, скажи-ка на милость:
«Что думали Боги, когда мы сближались?»
Но мир раздвоился, и мы раздвоились,
Хочу быть с тобою, да форма мешает.

Мешают сомненья, и время мешает,
И Вера уже притупилась немного:
Была ли любовь или просто мечтанье
О жизни прекрасной с рожденья до гроба.

– Послушай, рядовой Стриж, какие Боги, какая «вера»? – подходя ко мне после концерта, весь красный и совершенно трезвый, выплюнул на одном дыхании Кузенков, – ты думай немного, когда что-то поёшь или вообще, когда просто рот открываешь. Думай иногда! Это – приказ!

...Пора идти спать. Что-то я, действительно, не дотумкал, но понял две вещи:

отпуск – накрылся, и, главное, что запомнил навсегда, нельзя петь в концерте то, что можно петь на банкете.

Post Scriptum. 07.02. 2014 года, г. Москва.

Друзья мои! Конечно, я немного отредактировал свой дневник, обнаружив его недавно в старых бумагах.

Сегодня я знаю, что стихи «Мы шатались на Пасху...» написал Леонид Филатов. Сегодня, я могу точно прочитать это стихотворение.

Сегодня я могу точно спеть это танго Владимира Качана, а на записи звучало именно танго, переделанное нами в вальс, для удобства танцевания.

Но я специально воспроизвёл на бумаге тот текст, услышанный и спетый мною тогда. И знаете почему?

Просто очень хотелось посвятить этот рассказ поэту Леониду Филатову и всей Русской Армии, говорю не о национальности, а о стране «с названием кратким «Русь».

Ответ на задачки для второго класса

*Погодка – ноль: на сердце и в мозгах,
Дождь моросит, не хочется курить.
Сижусь полдня понурый в соц. сетях...
Зачем так жить? И для кого так жить?!*

У человека бывает минута, видимо, у каждого, в жизни, когда заканчивается стремление к собственному существованию. Проще – когда жить не хочется. Минута может растянуться во времени до дня, недели, месяца и, даже, года. Состояние такое порой не зависит от внешних событий, а просто, я встал утром и понял, что целей, к достижению которых я стремился, не существует, и то, что я делал до сегодняшнего дня, никому не нужно и, по большому счёту, сам я тоже не нужен никому. У человека могут быть и дети, и любящая жена, и работа, приносящая удовлетворение, но вдруг – я проснулся и понял: всё мираж. Исчезни я сейчас, и жизнь, от отсутствия меня, нисколько не станет хуже. Наоборот, может быть, даже светлее.

У Фёдора жизнь складывалась удачно: он любил и был любим. А именно это он считал главным, определяющим состояние качества любой жизни. Звали её Антонина Феликсовна. Была она на пятнадцать лет моложе его, и не видел Фёдор в этом никакого криминала, потому как, лет Антонине было уже за тридцать. Носила она короткую белобрысую стрижку, карие глаза, ярко-красную помаду и джинсы. Пацанка, по-другому и не скажешь, и не посмотришь. Однако мужики на неё смотрели с восхищением и Фёдора, с одной стороны, это приводило в бешенство, а с другой – было приятно, что она выбрала именно его.

Познакомились они в январе, в детском саду, куда Фёдора пригласили в качестве Деда Мороза провести утренник. Когда-то, он водил в этот сад свою дочь. Прошло уже лет десять-одиннадцать, Фёдор точно не помнил, дочь уже окончила школу и поступила куда-то, а он, однажды, выручивший всех воспитателей и директора, изобразив перед городской комиссией Деда Мороза, так и продолжал посещать этот детский садик.

Увидев мужика, напяливающего на себя красную шубу, Антонина Феликсовна была искренне удивлена, и было от чего: во всех детских садах, где она имела счастье трудиться, а работала Антонина педагогом-дефектологом, дедами были всегда женщины-воспитатели.

– Вы новый дворник? Я вас раньше не видела.

– Нет, барышня, я – бывший родитель и постоянный Дед Мороз в этом заведении.

...И пошло у них, и поехало, и полетело.

Так и домчалось до конца мая. И все эти пять месяцев Фёдор был безмерно счастлив. Он любил околачиваться в детском саду и наблюдать за работой любимой своей женщины. Дети были разные: кто-то заикался, кто-то не выговаривал буквы,

кто-то, вообще, только мычал. Но особенно ему нравились братья-близнецы. Эти два бандита произносили совершенно одинаково звук «фэ». Выговаривали они его старательно, да так, что изо рта, вместе со звуком, вылетало огромное количество слюней. Фёдора такое явление очень забавляло ещё и потому, что брызги эти выскакивали только в тот момент, когда близнецы находились в непосредственной близости от кого-либо. Находясь рядом с его Тоней, братья истошно начинали вопить: «Антонина Феликсовна! Антонина Феликсовна!!!», и Тонечка с ног до головы омывалась их слюноотделениями. Однажды, когда вся ребятня уже привыкла к его появлениям, приключился небольшой казус. Находившееся рядом, с оплётванной уже Тоней, сорванцы, увидев его, входящего в класс для занятий, истошно заорали: «Дядя!». «...Фёдор!» – подсказала им Тоня, и они рванули со всех ног к нему, извергая, словно заклинание: «Дядя Фёдор! Дядя Фёдор!!!»

– Стоять! Оба!!! На месте!!! – резко заорал дядя Фёдор, на миг, представивший себя таким же оплётанным, как и его возлюбленная.

От такого рыка, не ожидавшие его, близнецы-братья стали, будто Сивки-бурки, вещице каурки. Испугалась и Антонина Феликсовна. Но уже через мгновение все развеселились, а затем веселье переросло в неуёмный хохот. Поняли ли близнецы, над чем они смеялись вместе со всей группой, но после этого случая братьев убрали из группы детей с речевыми отклонениями, так как слюновыделения у них прекратились, а «дядя Фёдор» возгордился от своих, как он считал, педагогических способностей.

Наступил май. Точнее, конец мая.

Федю нашего то ли обидел кто, то ли озлился он на весь белый свет, но выпил он в тот день прилично. Сидя дома, в полном одиночестве и крепко поддатый, захотел он неожиданно, почему-то, любви и ласки. Обулся Фёдор, надушился дорогим одеколоном и вышел из квартиры, намереваясь увидеть свою Тосю. А дверь квартирная была у него железная, а потому очень тяжёлая. Вот, наш Федя и стал её закрывать. Ударил ею раз, а она не примыкает к косяку. Ударил второй... и застонал от боли: нога его левая во время ударов этих не успела перешагнуть через дверной проём, и получалось, что Фёдор бил дверью аккуратно по своей ноге.

Сломал Фёдор ногу, в двух местах, в тех же, что сломал и тридцатого апреля 2004 года, когда заскакивал в маршрутку, опаздывая на свидание с Настей Кавалергардской. И как тогда, приехала Скорая, увезла в больницу, и загипсовал ему ту же ногу, тот же врач. Точь-в-точь, день-в-день, только тогда месяцем раньше. Чуть не дотянул Господь до девяти лет.

И всё повторилось: принесли ему друзья консервов, а до кухни, чтобы наполнить и разогреть чайник он доползал кое-как сам. За хлебом вновь стала ходить соседка, старенькая уже бабулька.

Антонина, конечно, узнала, что пропал Фёдор не случайно, что лежит он и мается бедолага. Но услышав эту новость, отвесила его друзьям земной поклон, сказав, что если у неё будет время, заскочит обязательно, а пока очень много работы в саду, что лето, и родители приходят за своими чадами несколько позже.

– Всё повторяется, – думал Фёдор, уткнувшись глазами в телевизор. Тогда и посетили его мысли, с которых я начал свой рассказ.

Вспомнилась и Настя, не пришедшая тогда, в две тысячи четвёртом, выпавшая на целых девять лет из его памяти, и напомнившая о своём существовании вместе с его левой ногой. Искала потом она встречи с ним, объясняя всем знакомым, что никак не могла весь месяц, пока он лежал в гипсе, появиться у него в доме: то родителей обвиняя, которые были против их отношений, то так же, как и Тоня сегодня, сваливая всё на непомерную свою занятость. Забыли, что одна, что другая и о его дне рождения, но не забыли при этом рассказывать его же друзьям, как подкармливают его и покупают дорогие сигареты. Всё повторилось.

Вспомнилась она и пропала опять, видимо, до следующего перелома. Так иногда случается в нашей жизни, что когда-то невероятные события, происходившие с тобой, воспринимаются впоследствии, как свершившийся факт: без печали и восторга.

И увиделось Фёдору всё наперёд: как снимут гипс, а вместе с ним, как и девять лет назад, бросят в угол его любовь и нежность. Словно пробудившись от летаргического сна, прозрел его разум, и просветлели мозги. Понял он, совершенно неожиданно, что для Антонины Феликсовны не важны сколь-нибудь значимые отношения, а важна сама стрессовость ситуации, что без впрыскивания адреналина в кровь, жизнь для неё не имеет никакого смысла, что без постоянной новизны и состояния «а вдруг, сейчас это случится», всё для неё становится серым и неинтересным. Она и в детский-то сад пошла из-за этого, потому как там, ты находишься, словно «последний герой» на бочке с порохом, не зная где и в какую секунду всё взлетит на воздух.

– Надо опасаться таких барышень, – подумал Фёдор и, сладко зевнув, повернулся на правый бок, как учила его мама и первая воспитательница в яслях, Анна Ванна.

Ноги, которые мы выбираем

Маленькая девочка, четырёх лет от роду, отгрызла все пальцы ног у своей любимой куклы Барби. Барби привёз ей я и Стокгольма. Изделие было сотворено в Европе, не помню сейчас: может в Испании, может в Париже, а быть может и в самой Швеции, но естественно по Американской лицензии.

Так вот, обглодав обе барбиных ноги, девочка села на пол и горько заплакала: вместо пальцев на ступнях куклы красовались две дырки, в которые запросто мог залезть кончик карандаша.

– И чего ты теперь плачешь? – Как можно нежнее спросил я девочку, – это же твоя работа.

– Папа! Ты не понимаешь! Ей же больно, а я ничем не могу ей помочь! Помоги ты! Приделай пальцы на место!

Я посмотрел на ковёр и не увидел ничего, что могло напоминать пальцы. Бежевые крошки, словно пшено, рассыпанное на дворе деревенского дома для кормления куриц и петуха, накрывали паркет.

– И как ты себе это представляешь?

– Не знаю. Подумай ты. Ты же папа?!

Я присел рядом с девочкой, достал «Беломорину» и призадумался. Мысли мои потекли по двум векторам из общей отправной точки: «Что делать с Барби».

Первая мысль и её развитие.

«Беломор» я закурил ещё в шестом классе. Были тогда папиросы более дешёвые: «Волна», «Прибой», «Север», были и более дорогие: «Казбек», «Герцеговина флор», «Три богатыря». Но мой выбор пал именно на «Беломорканал». Ребята в школе, в основном, курили «Яву», она и сейчас имеется в различных модификациях, а я остановил свой выбор именно на папиросах, наверное, потому, чтобы отделиться несколько от масс. А уж когда Глеб Жеглов продул «Беломорину» прямо в глаза всему Советскому Союзу, я до конца утвердился во мнении, что выбор мой верен. Я и до Жеглова умел проделывать такой «фокус». Не помню, кто научил меня выдувать содержимое папиросы, но я знал, что за покупку «Казбека» в Грузии, в те времена, милиция могла и «обшмонать» подозрительного вида покупателя: в Тбилиси уже тогда умели продуть папирдульку, аккуратно подцепить папиросную бумагу и, вытянув её, словно сосиску из целлофана, набить «травкой». Случались казусы и у меня, но я считал виновным в них всё того же Жеглова. Приятель просил закурить, я давал, а он, школьник, размяв папиросу до нужной кондиции, выдувал её, хорошо не в моё лицо, усмехался и говорил: «Ну, извини. Дай ещё одну». Первый раз, после выхода фильма, у меня, таким образом, выдули половину пачки, пока до меня не дошло, что мои одноклассники просто издевались надо мной. Когда же я послал их вдаль далёкую, они не обиделись, а рассмеявшись, повытаскивали из карманов свою «Яву». После этого случая, достаточно было одной продутой папиросины, чтобы человек, совершивший это проступок, навсегда забыл словесный оборот, обращённый в мой адрес: «Дай закурить». Спасало таких людей другое словосочетание: «Оставь покурить». Тогда, оторвав зубами кончик обмусликанной мною папироски, я отдавал без малейшего сожаления то, что держал в руке, даже если только что прикурил свою «Беломорину».

Собираясь в Швецию, я купил в магазине блок «Казбека». Это были двадцать пять пачек просто перетянутые бумажной лентой. На таможне в Шереметьево пять пачек были благополучно конфискованы нашими бдительными фискальными органами. И сколько я не говорил им, что могу провести два блока, столько же и они талдычили мне, что в нормальном сигаретном блоке находится двадцать пачек и, вообще, о папиросах в инструкции не сказано ничего,

а если я буду качать права далее, они не выпустят со мной ни одной папироски, неизвестно для каких целей перевозимые через границу.

Но уже в самолёте, закурив после взлёта (тогда были два салона: для курящих и некурящих, сейчас тоже два: бизнес и эконом, где в обоих курить воспрещается), я, как говорит Задорнов, испытал настоящую гордость за отечественного производителя. В щели, между креслами, перед моим лицом появились фирменные очки и на английском, довольно весело и беспардонно спросили:

– Oh, sorry, you've Marijuana?

Из услышанного, я понял, что очки всё-таки извинились и слово «марихуана».

– No, no, – я замахал руками, – это папироса...

– Oh, пипьеросса, – мечтательно произнёс иностранец и сказав ещё раз: «Sorry», исчез в щели.

В Стокгольме меня, несколько позднее, оккупировали поляки, когда я достал «Казбек» и закурил. Три пачки улетели в подарок троим братьям по крови. Один из них на хорошем русском шепнул мне: «Шведы не знают, что это такое... Я пытался им объяснить, что – это русское „know how“, но они всё равно ничего понять не могут». Слушая его, я увидел боковым зрением, как по направлению к нам направляется один из охранников шведской фирмы. Подойдя, он рывкнул так, что я вытянулся, будто струна:

– Vi har ingen rökning droger!

– Что он сказал? Я ничего не понял. – Обратился я к поляку.

– Он сказал, что в стране наркотики запрещены. Я попробую сейчас всё уладить.

– Не нужно. Я сам их смогу поставить на место.

Повернувшись к охраннику «анфас», я во всю мощь своих голосовых связок, отчеканил ему и всем людям, находившихся в холле, отделяя слова, друг от друга:

– It's not marijuana! This Russian tobacco! Everyone understand me?

По тому, как все притихли, я понял, что меня поняли, хотя, я знал, что английский мой просто отвратительный.

Поляки и шведы, после этого меня очень зауважали и говорили со мной, улыбаясь и, почему-то, тихо. А у меня улетело ещё семь пачек «Казбека» шведам, две – французам и по одной – датчанину, англичанину и американцу. Я был горд за нашу страну. Погордитесь и вы немного, а я продолжу.

Когда же шведы узнали, что у меня растёт маленькая девочка, они, видимо высоко оценив качество Русского табака, презентовали мне куклу «Барби». И что мне теперь с ней делать, я никак понять не могу.

Мысль вторая и её развитие.

В возрасте четырёх лет, я выцганил у старшей сестры пупса. Это была немецкая кукла с моргающими голубыми глазками. Волосы на голове у пупса были такие же резиновые, как и он сам. Но больше всего меня поразило тогда то, что все суставные хрящики на пальцах ручек и ножек были обозначены такими же морщинками, как и у меня. Точь-в-точь – это были мои пальчики, только немного меньше. Их можно было сгибать. Правда, в исходное положение они возвращались сами, но это было уже неважно. Пальцы были настоящие, с аккуратно подстриженными ноготками. Ямочки на щёчках, маленькие сосочки-сисечки, бережно завязанный пупочек, ушки, точно изображающие младенца в утробе (об этом я узнал гораздо позже) и, даже обозначение попы – всё это было, как у настоящего младенца. Естественно, чего не было и не могло быть, так это признаков половой принадлежности. Но тогда этот вопрос не стоял у меня на повестке дня. Встал он лет через шесть-восемь, когда куклы уже не было и не с чем было подходить к маме с вопросом: «Мама, а это мальчик или девочка?», и на мамин ответ,

что это девочка, уже с нескрываемым ехидством загнать её в тупик: «А с чего ты это взяла? Докажи!»

Я очень полюбил эту куклу и звал её почему-то Златой, может от телесного цвета её тела, а может и от Золушки, не вспомню уже сегодня, хотя сестра называла её как-то иначе. На этой почве у нас с ней проходили постоянные стычки и мелкие драчки, а однажды я укусил её за пупок: до чего дотянулся, за то и ухватил. Ор стоял на весь дом, а досталось от мамы сестре, потому как, я орал истошнее, забравшись под кровать, а сестрёнка меня оттуда достать пыталась, крича от боли. Но мама-то не знала, почему она орёт и плачет. Мама видела только конечный результат: я – отбиваюсь, сестра – атакует. Увидела и шлёпнула ей по жопе со словами: « Не приставай к нему!» Сестра, разрыдавшись ещё больше и от злости, и от боли, и от обиды, убежала на кухню. Тогда я вылез из-под кровати, взял маму за руку, привёл на кухню и сказал: «Мамочка, сестрёнка моя ни в чём не виновата. Это я укусил её за пупок. Простите меня.» После чего, я убежал и вернулся через пару секунд со Златой в руках. Хлопнув пару раз её по заднице, я изрёк: «Это ты во всём виновата. Сейчас же проси у всех прощение и в первую очередь у меня. Это из-за тебя я сознался в том, что сестрёнку укусил. А если бы я тебя не любил, то не сознался бы ни за что!»

Сначала, от любви, я выдавил голубые глазки внутрь своей любимой. Мама отнесла куклу на работу и глаза были установлены на место. А затем, в течение полугода, я отгрыз все ногти на её ногах. Когда же ноги куклы оказались без пальцев, до моего сознания дошло, что она может замёрзнуть, что её холодно, когда вместо пальцев только дырки и что ей очень больно. Тогда я сел на пол и горько заплакал.

– И чего ты теперь плачешь? – Как можно нежнее спросила мама, подходя ко мне, – это же твоя работа.

– Мама! Ты не понимаешь! Ей же больно, а я ничем не могу ей помочь! Помоги ты! Приделай пальцы на место!

– И как ты себе это представляешь?

– Не знаю. Подумай ты. Ты же мама?!

Мама присела рядом, обняла меня, тяжело вздохнула и тоже заплакала.

Мысль третья.

Когда же мы просто научимся любить самых близких и самых дорогих нашему сердцу людей. Не выдавливая им глаза от наплыва нежности, не обгрызая ногти от избытка тёплых и ласковых любвеобильных излиятий, не вынимая сердца и не вытряхивая наизнанку душу любимых нами?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.